

РОЛЬ ПРИЧАСТИЯ В АНАЛИТИЧЕСКИХ ФОРМАХ ГЛАГОЛА В АНГЛИЙСКОМ И ТАДЖИКСКОМ
ЯЗЫКАХ

Научная статья

Ибрагимова Р.А.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0009-0966-6806;

¹ Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова, Худжанд, Таджикистан

* Корреспондирующий автор (rano1977[at]list.ru)

Аннотация

В данной статье исследуется функциональная нагрузка служебного элемента в аналитической конструкции, используемой для передачи грамматических значений знаменательного слова. Особое внимание уделено причастию в английском и таджикском языках, выявлены различия в структуре и функциональной нагрузке компонентов аналитических форм. Проведено сравнение аналитических образований в обоих языках, демонстрирующее наличие сходств и различий в организации конструкций. Полученные практические данные позволяют сделать вывод о том, что в таджикском языке аналитические формы могут содержать большее количество компонентов, чем в английском, что объясняется наличием большего количества словоизменяемых морфем. Анализ аналитических конструкций в обоих языках позволяет понять особенности выражения длительности действия и перфектности, а также различия в структурной организации данных форм.

Ключевые слова: причастие, причастие I, причастие предшествования, аналитические формы слова, и синтетические формы слова.

ROLE OF PARTICIPLE IN ANALYTICAL FORMS OF VERB IN ENGLISH AND TAJIK

Research article

Ibragimova R.A.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0009-0966-6806;

¹ Khujand State University named after academician B. Gafurov, Khujand, Tajikistan

* Corresponding author (rano1977[at]list.ru)

Abstract

The given article dwells on the functional load of an auxiliary element in an analytical construction used to convey the grammatical meanings of a significant word. Particular attention is paid to the participle in English and Tajik, differences in the structure and functional load of the components of analytical forms are revealed. A comparison of analytical formations in both languages is carried out, demonstrating the presence of similarities and differences in the organization of constructions. The practical data obtained allow us to conclude that in Tajik analytical forms can contain a larger number of components than in English, which is explained by the presence of a larger number of inflectional morphemes. Analysis of analytical constructions in both languages allows us to understand the peculiarities of expressing duration of action and perfectivity, as well as differences in the structural organization of these forms.

Keywords: participle, participle I, preceding participle, analytical forms of the word, synthetic forms of the word.

Введение

Как известно, грамматические формы слова в индоевропейских языках могут быть или синтетическими или же аналитическими, так как таджикский язык входит в группу иранских языков, а английский язык – германских языков. Синтетические формы формируются при помощи аффиксации, которая часто сопровождается морфонологическими изменениями, а в первую очередь чередованиями фонем. А аналитические формы включают в себе два слова – полнозначное слово и служебное слово. В таких языках, как английский и таджикский, где морфологическая падежно-родовая парадигма утрачена или развита слабее, аналитические формы являются доминирующими.

Перед тем как рассмотреть вопрос об аналитических глагольных формах в системах английского и таджикского языков, целесообразно вкратце охарактеризовать сущность аналитического формообразования, так как в лингвистике нет единства взглядов на это языковое явление.

Аналитические формы глаголов в английском и таджикском языках представляют собой важное явление, которое требует более детального изучения и сравнения. Представленное исследование направлено на анализ аналитических глагольных форм в системах английского и таджикского языков с точки зрения структурного и функционального аспектов. Целью данного исследования является выявление особенностей аналитических конструкций в указанных языках и определение их семантических и грамматических характеристик. Научная новизна данного исследования заключается в сравнительном анализе аналитических форм глаголов в двух различных языках, что позволяет выявить общие и различные черты в их структуре и функционировании. Результаты данного исследования могут быть полезны для лингвистов, преподавателей и студентов, интересующихся сравнительным анализом языковых явлений. Научная проблема, которую решает данное исследование, заключается в изучении и сравнении аналитических глагольных форм в английском и таджикском языках с целью выявления их особенностей и функций.

Английское причастие освещено в специальных работах англистов, таких как Л.С. Бархударов [2], А.И. Смирницкий [10], Г.Ф. Лутфуллина [5], В.А. Плунгян [6], Т.И. Грибанова [3], Н.И. Пушина [7] и др. В таджиковедении об этом вербалии можно найти сведения также и в работах В.С. Расторгуевой [8] и Б. Сияева [9] и в отдельных других

публикациях по иранским языкам. Что касается сравнительного изучения причастий таджикского и английского языков, то в книге К. Усмонов «Грамматикаи муқоисавии забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ» дается подробные сведения об этом явлении в двух языках [11].

Основные результаты и обсуждение

Неличные формы глагола представляют собой промежуточное явление между глаголами и неглагольными частями речи. Неличные формы глагола рассматриваются в лингвистической литературе как явление смешанного характера, проявляющегося в формальных, семантических признаках, а также в функциональных особенностях данных форм. Как отмечает Пушина, «Неличные формы представляют особый интерес в силу своей гибридности, сложной проблематики, касающейся частеречевого статуса, их номенклатурного состава, соотношения с личными формами, общих принципов их выделения и классификации» [7, С. 160].

По мнению Грибанова, «В исследуемом стиле речи частотны притяжательные формы (местоимения и существительного) с -ing-формой, что явно указывает на употребление причастия. Употребление рассматриваемых форм ограничено не только стилистически и лексически, но и синтаксически» [3, С. 169].

Профессор А.И. Смирницкий полагает, что аналитическая форма слова представляет собой комбинацию вспомогательного и основного слова. Обращая особое внимание на проблему аналитических форм, он отмечал, что структурно аналитическая форма остается соединением отдельных слов, объединенных определенными синтаксическими правилами (иначе это не было бы аналитической, а синтаксической формой). Функционально же такое сочетание выступает наравне с синтетическими формами как одна из категориальных форм для определенной грамматической категории, выполняя роль аналитической формы слова.

Поэтому при изучении аналитических форм важно различать структурный и функциональный аспекты. Уникальное переплетение этих двух аспектов определяет особенности данного лингвистического явления – аналитической формы слова [10, С.82].

Существует два основных взгляда на состав аналитических форм слова. Первый взгляд считает аналитической формой любое сочетание вспомогательного и знаменательного слова, например, образования типа shall take, is taking, has taking (в английском языке) и хонда истодааст, хонда шуд, хонда буд, хоҳад хонд (в таджикском языке), что считается традиционным. Второй взгляд учитывает наличие словоизменительной морфемы и исключает образования типа should take, would take, shall take, will take, more difficult, most difficult из числа аналитических форм [2, С.68].

Придерживаясь первого взгляда и считая любое сочетание вспомогательного и знаменательного слова аналитической формой, независимо от наличия словоизменительной морфемы, важно отметить, что второй компонент в обоих случаях может быть формой инфинитива.

Таким образом, в рамках данного подхода, любое сочетание вспомогательного слова со знаменательным словом рассматривается как аналитическая форма знаменательного слова. Вспомогательным компонентом может быть, как служебное слово с особым типом семантики, так и полнозначное слово с утраченным лексическим значением.

Например, в таджикском языке глагол «будан» с одной стороны функционирует как полнозначный глагол, а с другой стороны – как вспомогательный элемент аналитической формы.

Например:

Хиҷолати Хол-бобо зиёдтар буд [12, С. 244]. (Смущение дедушки-Хол было сильнее).

Ў ҷавони рехтапайкар, пурҳаракату хушғуфтор буд [12, С. 243]. (Это был красивый юноша, активный и красноречивый).

Рӯзи гузашта Давлат бо ҳамкорони худ сутуну забарравҳоро мувофиқи табъ гузошта барои кори имрӯза ҷои хуб омода карда буд [12, С. 134]. (Накануне Давлат и его коллеги подготовили хорошее место для сегодняшней работы, расставив столбы и якоря по настроению).

Шифт ниҳоят паст, сутуну болорҳо мағор карда буд [12, С. 234]. (Потолок был очень низким, колонны и балки были покрыты плесенью).

В первом и во втором примерах глагол «буд» (был) действует в качестве полнозначного глагола, в то время как в третьем и четвертом примерах «буд» (был) используется как часть аналитической конструкции «омода карда буд» (подготовили) и «мағор карда буд» (были покрыты плесенью), где «буд» (был) теряет свою лексическую значимость. Однако, при потере семантики глагола, некоторые следы его прежней значимости могут сохраняться в специфике его комбинаторики и в ограничениях на сочетаемость с другими словами. Например:

Қозӣ дар пеши ҳар гурӯҳ аз ҳашарчиён қадаре меистод [1, С. 83]. (Судья стоял перед каждой группой из стольких рабочих).

Бинобар ин он духтарак ба хонаи худ нарафта шабу рӯз дар хонаи хатиб меистод [1, С. 90]. (Именно поэтому девушка не пошла к себе домой и оставалась в доме Хатиба день и ночь).

Як вақт дидам, ки ҷомаи ман ҳам сӯхта истодааст [1, С. 132]. (Однажды я увидел, что моя рубашка тоже горит).

Аммо зурии вай аз шумо зиёдтар ба гардани ман афтода истодааст [1, С. 408]. (Но ее сила падает на меня больше, чем на тебя).

В двух первых предложениях словоформа «меистод» (стоял) используется как полнозначное слово, а в третьем и четвертом предложениях «истодааст» служит в качестве вспомогательного глагола. Невозможно использовать глагол «истодан» (стоять) в составе аналитической конструкции и тот факт, что невозможно сказать «сӯхта истодааст» (горит) и «афтода истодааст» (падать), так как эти глаголы (нишастан, афтодан и истодан – сидеть, падать и стоять) являются антонимами. Поэтому частичное сохранение элементов значения «истодан» (истодан) не позволяет употребить этот глагол в качестве форманта в аналитической форме глагола «нишастан» (истодан).

Относительно функциональной нагрузки служебного элемента в аналитической конструкции, он используется для передачи грамматических значений знаменательного слова, с которым он сочетается. По этой причине в лингвистике его иногда называют словом-морфемой. Например: «is living» и «has lived» состоят из трех элементов: «словоморфема is + основа глагола live + словоизменительная морфема -ing», а в аналитическом образовании «will give» имеется два компонента: «слово-морфема will + основа глагола give».

В таджикском языке аналитическое образование «хонда истодаам» состоит из следующих значимых единиц: «хон + д + а + ист + од + а + ам» [11, С. 126].

Таким образом, в силу наших наблюдений следует отметить, что в таджикском языке аналитические образования могут содержать значительно больше компонентов, чем в английском. Это объясняется тем, что в таджикском языке существует большее количество словоизменительных морфем, чем в английском.

Прежде чем перейти к анализу причастий в таджикском языке, важно изучить сущность, структуру и функциональную нагрузку компонентов аналитических конструкций. Начать анализ следует с причастий в английском языке, так как этот вопрос более подробно и глубоко исследован в английском языкознании. В таджикском языкознании до настоящего времени вопрос об аналитических конструкциях еще не рассматривался, за исключением отдельных замечаний исследователей, таких как Б.Сияев [9, С. 52-55] и В.С. Расторгуева, которая называет такие формы описательными [8, С. 181].

В английском языке причастие I используется в аналитических формах в сочетании с личной формой вспомогательного глагола «to be»: is taking, was taking, will be taking, has been taking и т.д. Эти формы относятся к категории вида и обозначают длительность действия в противопоставлении формам типа takes, took, will take, has taken и т.п., которые указывают на недлительность действия. Процесс образования таких аналитических конструкций включает причастие I, которое состоит из двух значимых элементов (take + ing) и выступает в качестве смыслового элемента аналитической конструкции. При этом причастие I имеет три значения: лексическое значение, категориальное грамматическое значение процесса и грамматическое значение длительности процесса. Значение длительности у морфемы «-ing» возникло относительно поздно, в XIV веке, когда эта морфема отличалась от морфемы герундия «-ing». Постепенно у причастия I стало преобладать значение длительности, что привело к его включению в состав аналитических форм английского глагола длительного вида, придавая им грамматическое значение длительности действия, о чем свидетельствуют следующие примеры:

Father is acting with the best intentions [17, С. 88]. – Падар бо ниятҳои нек амал карда истодааст. (Отец действует из лучших побуждений).

В данном примере, когда причастие I «acting» используется вместе с «is», формой глагола «to be» (act), оно образует категориальную форму длительного настоящего времени. Здесь «is» указывает на лицо, число и время действия, а «-ing» указывает на длительность действия. Это сочетание можно переводиться как «есть действующий».

В таджикском языке это аналитическое образование переводится как «амал карда истодаанд», где «истодаанд» является вспомогательным глаголом, выражающим длительность действия в настоящем времени, а «амал карда» является причастием предшествования. Как и в английском спрягается только вспомогательный глагол (истодан), а причастия в обоих языках остаются неизменяемыми.

В таджикском языке вспомогательный глагол аналитической формы занимает позицию за смысловым глаголом в форме причастия предшествования, что определяют различия в структурной организации указанных аналитических форм. Флексии с семантикой лица и числа принадлежит вспомогательному глаголу. В английском языке вспомогательный глагол «to be» имеет супплетивные формы, тогда как его таджикский эквивалент имеет парадигму флективных форм спряжения.

Другое различие это то, что в таджикском языке вспомогательный компонент аналитической конструкции имеет флексию третьего лица множественного числа, который используется не только для обозначения субъекта действия, представленного как «не один, расчлененный» (термин А.В.Исаченко) [4], но и для обозначения одного третьего лица, если используется форма уважительности по отношению к этому одному лицу. Подобной формы уважительности в английском нет. Но тем не менее и английское причастие I, и таджикское причастие предшествования служат одной цели – выражению длительности действия.

He was waiting for me with great impatience [15, С. 105]. – Ӯ маро бесаброна интизорӣ мекашид. (Он ждал меня с большим нетерпением).

Biddy was waiting for me at the kitchen door, with a mug of new milk and a crust of bread [15, С. 183]. – Бидди маро дар назди дари ошхона бо як коса шири нав ва як қуллаи нон интизорӣ мекашид. (Бидди ждала меня у кухонной двери с кружкой свежего молока и коркой хлеба.).

Mr. Pumblechook was waiting for me, and addressed me in the following terms ... [15, С. 292]. – Ҷаноби Памблчук маро интизорӣ мекашид ва ба ман бо ибораҳои зерин муроҷиат кард... (Мистер Памблчук ждал меня и обратился ко мне со следующими словами...).

А в данных примерах, английское причастие I «waiting» используется с личной формой глагола «to be» (was) для образования прошедшего длительного вида глагола «to wait». Функция причастия здесь такая же, как и в первом примере: оно обозначает действие и его длительность. Вспомогательный компонент «was» указывает на прошедшее время и третье лицо единственного числа. Это означает, что «was waiting» считается категориальной формой длительного вида прошедшего времени. В примерах таджикского языка оно переводится как «интизорӣ мекашид», форма прошедшего повествовательного времени.

Как видно, в таджикском языке аналитическая форма «was waiting» переводится глаголом «интизорӣ кашидан» в форме настоящего времени (интизорӣ мекашид). Хотя эту форму можно также перевести как «интизорӣ кашида истода буд», громоздкая структура таджикского эквивалента делает предпочтительнее более простую форму «интизорӣ мекашид». Эта форма относится к прошедшему повествовательному времени и имеет два значения: повторяющееся действие и длительное действие. В данном примере «интизорӣ мекашид» указывает на длительное действие.

Таким образом, в английском языке длительный вид выражается аналитической формой только с причастием I. В таджикском языке длительный вид может выражаться как аналитической, так и синтетической формой глагола. Однако в прошедшем времени синтетические формы длительного вида преобладают над аналитическими формами.

«You will be staying in Chicago some little time, won't you?» he observed [16, С. 6]. – «Шумо чанд муддат дар Чикаго мемонед, ҳамин тавр не?» пай бурд ӯ. (Вы останетесь в Чикаго на какое-то время, не так ли? он заметил).

«Yes,» she said, «but I fear it will be getting out of order» [13, С. 59]. – «Бале, – гуфт вай, – аммо ман метарсам, ки он аз кор мебарояд». («Да, – сказала она, – но я боюсь, что он выйдет из строя»).

В вышеизложенных примерах, образование «will be staying» и «will be getting out of order» представляют собой четырехкомпонентную конструкцию, где глаголы «to stay» и «to get out of order» с формантом «-ing» указывают на длительное действие, вспомогательный глагол «will» указывает на будущее время глагола. Таким образом, можно сказать, что как в английском, так и в таджикском языках причастие I служит для выражения длительности действия, хотя структурная организация аналитических форм может отличаться.

Как видно, аналитические образования «will be staying» и «will be getting out of order» в английском языке указывают на длительное действие, которое будет происходить в будущем. А в таджикских аналогах служат такие конструкции как «мемонед» и «мебарояд», где они указывают на длительность, и на будущее время.

«You do,» said she. «You have been crying till you are half blind, and you are near crying again now» [15, С. 53]. – «Шумо мекунад» гуфт вай. «То нимкур шудан гирия мекардӣ (гирия карда истода будӣ) ва ҳоло боз гирия кардан наздик ҳастӣ». (Да, – сказала она. «Ты плакала, пока не ослепла наполовину, и сейчас ты снова почти плачешь»).

В данном примере английское причастие I «crying» также входит в состав аналитической конструкции «have been crying», где оно обозначает не просто действие, а длительное действие. Другой компонент «been», используя форму причастия II, служит для усиления значения длительности. А третий компонент «have» придает всему образованию значение перфектности. Кроме того, «have» указывает на значение настоящего времени и отнесенность действия к первому лицу.

Как видно из перевода этой конструкции на таджикский язык, она передается двумя способами:

- а) «гирия мекардӣ»;
- б) «гирия карда истода будӣ».

Первая форма (мекардӣ) представляет собой синтетическое образование, состоящее из префикса «ме-», указывающего на длительность или повторяемость действия, основы прошедшего времени глагола «кардан» (кард) и глагольного окончания первого лица единственного числа. Эта словоформа «мекардӣ», подобно английскому «have been crying», обозначает длительное действие.

Второй вариант перевода (гирия карда истода будӣ) представляет собой аналитическую форму, состоящую из причастия предшествования знаменательного глагола «гирия кардан», формы причастия предшествования «истода» вспомогательного глагола «истодан» и формы прошедшего времени вспомогательного глагола «будан» (будӣ). Вся эта аналитическая конструкция таджикского языка, подобно форме настоящего перфектно-длительного вида английского глагола, указывает на длительное действие в прошедшем времени.

Как видно из сопоставления форм двух языков, и в составе формы настоящего длительного перфекта, и в структуре прошедшего времени длительного вида английского языка, и в сфере прошедшего времени таджикского глагола причастие I английского языка и причастие одновременности таджикского языка служат для образования аналитических форм длительного вида.

The sun had been shining brightly all day on the roof of my attic, and the room was warm [15, С. 101]. – Офтоб тамоми рӯз дар болои боми болохонаам нур мепошид ва хучра гарм буд. (Солнце весь день ярко светило на крыше моего чердака, и в комнате было тепло).

I had been doing this, in an excess of attention to his recital [15, С. 120]. – Ман ин корро аз сабаби ба суханронии ӯ диққати аз ҳад зиёд додан мекардам. (Я делал это из-за избытка внимания к его речи.).

В примерах с использованием словоформ «had been shining» и «had been doing» присутствуют два вспомогательных компонента: «had been» и знаменательные глаголы «shine» и «do» в форме причастия I (shining и doing). Причастие I в данных случаях указывает на продолжительность действия, выражаемого глаголом «to shine» и «to do». Вспомогательный компонент «been» представляет собой причастие II, которое усиливает значение продолжительности действия (сиять и делать). Слово-морфема «had» выражает грамматические значения перфектности и указывает на отнесенность к прошедшему времени.

При переводе данных конструкций на таджикский язык они передаются синтетической формой «мепошид» и «мекардам», которые состоят из приставки «ме-», указывающей на продолжительность действия, основы прошедшего времени глагола «пошидан» (пошид) и «кардан» (кард), а также нулевой флексии 3-го лица единственного числа. Это свидетельствует о том, что английская аналитическая форма длительного вида может соответствовать синтетической форме таджикского языка с тем же значением продолжительности действия. Личная форма вспомогательного глагола «to be» в сочетании с морфемой «-ing» в составе аналитической конструкции соответствует приставке «ме-» в сочетании с нулевым окончанием таджикского глагола, что также указывает на продолжительность действия, выражаемого основой смыслового глагола.

I shall have been writing the article for two hours by the time you come back [14, С. 173]. – То вақти баргашта омаданат ман дар тӯли ду соат ин мақоларо навишта меистам. (К тому времени, как ты вернешься, я буду писать статью уже два часа.).

В вышеуказанном примере аналитическая конструкция состоит из пяти значимых элементов: три слова-морфемы (shall, have, been), корневая морфема знаменательного глагола (write) и флексия «-ing», указывающая на длительность действия «write» (писать). Компонент «been» усиливает значение длительности действия, «have» имеет значение перфектности, а «shall» служит для выражения значения будущего времени и отнесенности действия к первому лицу.

Все вспомогательные компоненты придают различные грамматические значения знаменательному глаголу «write».

Эта пятикомпонентная аналитическая конструкция передается на таджикский язык шестикомпонентным образованием «навишта меистам». Первые три компонента: «навиш» (основа настоящего времени), «-т» (морфема прошедшего времени), «-а» (формант причастия предшествования). Последние три компонента: «ме-» (указывает на длительность или повторяемость действия), «-ист» (основа настоящего времени глагола «истодан»), «-ам» (флексия 1-го лица ед.ч. глагола в настояще-будущем времени). Эти шесть компонентов выражены в двух синтетических словоформах.

Основным моментом для нашей работы является то, что в обоих языках в составе аналитических конструкций присутствует причастие - Participle I в английском и причастие предшествования в таджикском. Сопоставление компонентов данных аналитических конструкций показывает, что в английском языке преобладают слова-морфемы, в то время как в таджикском доминируют синтетические формы. Еще одно различие – расположение слов-морфем относительно причастной формы.

Заключение

Проведенные подсчеты свидетельствуют о более аналитическом характере английского глагола по сравнению с таджикским глаголом. Как в таджикском, так и в английском языках, причастия могут входить в состав аналитических конструкций, образуя различные грамматические категории глагола. Причастия в сопоставляемых языках могут функционировать как элементы аналитических конструкций, которые служат для выражения категориальных значений в английском языке, а также временных форм глагола в таджикском языке. Кроме того, таджикское причастие может комбинироваться с рядом глаголами, которые утратили свое основное лексическое значение, и такие образования, очевидно, служат для выражения аспектуальных значений глагола.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Айни С. Ёддоштҳо / С. Айни. — Душанбе: Сарредаксияи илми ЭМТ, 2009. — 680 с.
2. Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка / Л.С. Бархударов. — М., 1975. — 156 с.
3. Грибанова Т.И. Ing-формы в английском языке: особенности развития и употребления / Т.И. Грибанова, Е.Н. Коршунова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2011. — № 633. — С. 169–191.
4. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким / А.В. Исаченко. — Братислава, 1960. — Ч. II. — С. 82–93.
5. Лутфуллина Г.Ф. Причастия как средства выражения одновременности в английском языке. Филологические науки / Г.Ф. Лутфуллина // Вопросы теории и практики. — 2023. — Т. 16. — Вып. 1. — С. 224–228.
6. Плуныян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира / В.А. Плуныян. — М.: Просвещение, 2011. — 150 с.
7. Пушина Н.И. Неличные формы глагола в ономаσιологическом и когнитивных аспектах / Н.И. Пушина // Вестник удмуртского университета. — 2009. — Вып. 1. — С. 160–168.
8. Расторгуева В.С. Очерки грамматики таджикского языка / В.С. Расторгуева. — 1954. — С. 531–570.
9. Сиёев Б. Очерк доир ба таърихи феъли забони адабии тоҷик / Б. Сиёев. — Душанбе: Дониш, 1968. — 113 с.
10. Смирницкий А.И. Морфология английского языка / А.И. Смирницкий. — М.: Изд-во лит. иностр.яз., 1959. — 440 с.
11. Усмонов К. Грамматикаи муқоисавии забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ / К. Усмонов. — Хуҷанд: Нури маърифат, 2017. — 372 с.
12. Чалил Р. Асарҳои мунтахаб / Р. Чалил. — Душанбе: Д. Адиб, 1988. — Ч. II. — 463 с.
13. Brontë Ch. Jane Eyre / Ch. Brontë. — Oxford University Press, 1975. — 496 p.
14. Christie A. Ten little Indian / A. Christie. — Pockets Books, 1975. — 173 p.
15. Dickens Ch. Great Expectation / Ch. Dickens. — Mineol; New York: Dover Publication, 2001. — 256 p.
16. Dreiser T. Sister Carrie / T. Dreiser. — М.: Bantam Classics, 2007. — 560 p.
17. Voynich E.L. The Gadget / E.L. Voynich. — Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1954. — 332 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Aini S. Ёддоштҳо [Memoirs] / S. Aini. — Dushanbe: EMT Science, 2009. — 680 p. [in Tajik]
2. Barkhudarov L.S. Ocherki po morfologii sovremennogo anglijskogo yazyka [Essays on the morphology of modern English] / L.S. Barhudarov. — М., 1975. — 156 p. [in Russian]
3. Gribanova T.I. Ing-formy v anglijskom yazyke: osobennosti razvitiya i upotrebleniya [Ing-forms in English: features of development and use] / T.I. Gribanova, E.N. Korshunova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta [Bulletin of Moscow State Linguistic University]. — 2011. — № 633. — P. 169–191. [in Russian]
4. Isachenko A.V. Grammaticheskij stroj russkogo yazyka v sopostavlenii so slovackim [The grammatical structure of the Russian language in comparison with Slovak] / A.V. Isachenko. — Bratislava, 1960. — Pt. II. — P. 82–93. [in Russian]
5. Lutfullina G.F. Prichastiya kak sredstva vyrazheniya odnovremennosti v anglijskom yazyke. Filologicheskie nauki [Participles as a means of expressing simultaneity in English. Philological sciences] / G.F. Lutfullina // Voprosy teorii i praktiki [Questions of theory and practice]. — 2023. — Vol. 16. — Iss. 1. — P. 224–228. [in Russian]
6. Plungyan V.A. Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages] / V.A. Plungyan. — М.: Education, 2011. — 150 p. [in Russian]

7. Pushina N.I. Nelichnye formy glagola v onomasiologicheskom i kognitivnyh aspektah [Non-finite forms of the verb in onomasiological and cognitive aspects] / N.I. Pushina // Vestnik udmurtskogo universiteta [Bulletin of the Udmurt University]. — 2009. — Iss. 1. — P. 160–168. [in Russian]
8. Rastorgueva V.S. Oчерki grammatiki tadzhikskogo yazyka [Essays on Tajik grammar] / V.S. Rastorgueva. — 1954. — P. 531–570. [in Russian]
9. Siyoev B. Очерк доир ба таърихи феъли забони адабии тоҷик [Essay on the history of the Tajik adjective] / B. Sitev. — Dushanbe: Knowledge, 1968. — 113 p. [in Tajik]
10. Smirnitsky A.I. Morfologiya anglijskogo yazyka [Morphology of the English language] / A.I. Smirnitsky. — M.: Publishing House of Foreign Literature, 1959. — 440 p. [in Russian]
11. Usmanov K. Грамматикаи муқоисавии забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ [Comparative grammar of English and Tajik languages] / K. Usmanov. — Khujand: Light of Enlightenment, 2017. — 372 p. [in Tajik]
12. Jalil R. Асарҳои мунтахаб [Selected works] / R. Jalil. — Dushanbe: D. Adib, 1988. — Pt. II. — 463 p. [in Tajik]
13. Brontë Ch. Jane Eyre / Ch. Brontë. — Oxford University Press, 1975. — 496 p.
14. Christie A. Ten little Indian / A. Christie. — Pockets Books, 1975. — 173 p.
15. Dickens Ch. Great Expectation / Ch. Dickens. — Mineola; New York: Dover Publications, 2001. — 256 p.
16. Dreiser T. Sister Carrie / T. Dreiser. — M.: Bantam Classics, 2007. — 560 p.
17. Voynich E.L. The Gadfly / E.L. Voynich. — Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1954. — 332 p.